

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**ПЫЛАЮЩАЯ
МЕЖА**

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

Пылающая межа

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Пылающая межа / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013 — (Спецназ. Офицеры)

Сержанта-контрактника Владимира Локиса в составе миротворческого контингента направляют в Нагорный Карабах. Бойцы занимают рубежи на линии размежевания между армянами и азербайджанцами, чтобы удержать их от кровопролития. Обстановка накалена до предела, а тут еще межнациональную вражду активно подогревает агент турецкой спецслужбы Хасан Керим-оглу. При этом провокатор преследует и свои корыстные цели: с целью получения выкупа он похищает крупного армянского бизнесмена. Задача Локиса — обезвредить турецкого дельца. Во время передачи пленника у него будет такой шанс... Ранее книга выходила под названием «Сотворение мира»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Пылающая межа

Глава 1

Начало осени в городе Агдаме – одном из районных центров Нагорного Карабаха – выглядело совсем по-летнему. Никаких желтых листьев, ночных холодов и прочего, характерного для этой поры в более северных широтах. Здесь еще царило лето. Нагорный Карабах вообще считается жемчужиной Закавказья. Живописные горы, покрытые лесами, обилие памятников архитектуры, хороший климат – это всегда было «фишкой» этих мест. К сожалению, карабахская война девяностых изменила слишком многое...

На окраине Агдама находился детский дом. Окруженный огромными старыми деревьями, по обилию зелени и цветов он скорее напоминал сад. Руководство, да и весь город старались, чтобы дети чувствовали в нем себя хорошо.

Повышенное внимание к здешним воспитанникам легко объяснялось. Детдом № 1 был не совсем обычным, во всяком случае, для стран, где люди представление о войне получают с экрана телевизора. Здесь, в Карабахе, на территории, где военные действия с разной степенью интенсивности продолжаются уже пару десятков лет, война – это реальность. Суровая и страшная реальность, искалечившая физически и морально десятки тысяч ни в чем не повинных людей.

Так вот, в детдоме № 1 содержались дети, чьи родители погибли во время войны первой половины девяностых, а также в предшествующих и последующих боевых столкновениях. К сожалению, в Карабахе почти каждая семья так или иначе пострадала в том страшном конфликте, разделившем живших в добрососедстве армян и азербайджанцев. Кто погиб, кто лишился крова и имущества, а кто стал беженцем, не по своей воле покинув родную землю. Особенно не повезло детям, многие из которых лишились своих родителей.

Сегодня в детдоме при немалом стечении гостей проходил «Праздник урожая». Театрализованное представление, подготовленное силами наставников и воспитанников, должно было наглядно продемонстрировать, что дети здесь не просто живут, а и творят. Желающих взглянуть на это оказалось более чем достаточно – актовый зал был набит под завязку. Те, кто не смог уместиться на креслах и специально поставленных лавках, стояли у дверей и в проходах. В полуразрушенном Агдаме нечасто проходят культурные мероприятия, так что каждое из них – уже событие.

На сцене, пока еще закрытой занавесом, все происходило согласно сценарию. Толпились дети, изображающие фрукты и овощи, поспевшие на благодатной кавказской земле. Каждый был облачен кто в сливу, кто в помидор или гранат.

Двенадцатилетний Роберт Карапетян, живой, подвижный мальчуган, также был одет в театральный костюм из поролона и материи. Роберт изображал огромную грушу. Вместе с ним в сцене участвовала его ровесница Зара Макичан, облаченная в поролоновый костюм граната. Девочка крутилась у большого зеркала, поправляя на себе «кожуру».

– Ну, как я выгляжу? – придиричиво спрашивала она у Роберта.

– То, что надо, – лаконично ответил тот.

Глаза Роберта блестели – он симпатизировал Заре. Мальчик считал себя ее покровителем, «рыцарем», никому не давая в обиду.

– Все со сцены! – послышался приглушенный голос. – Занавес!

Раздались аплодисменты. «Праздник урожая» начался. Перед спектаклем «театральный коллектив» репетировал долго, и это дало свои результаты – теперь дети, читая стихи, все знали

назубок. Ломкие голоса, старательные интонации – все это вызывало у зрителей неподдельный восторг. Прикосновение к искусству, пускай и совсем несложному, делало мягкими сердца людей, уже много лет живущих в условиях «горячей точки».

Занавес открылся. Из-за «деревьев» показались дети-фрукты.

Осень подойдет неслышно,
Тихо встанет у ворот.
В огороде листик вишни
На дорожку упадет, —

прозвучал детский голос.

Зазвучали аккорды пианино. Под лирическую музыку вошла «ранняя осень» – она же учительница английского языка.

Вы обо мне? А вот и я!
Привет осенний вам, друзья! —

развела она руками, приглашая детей в свои объятия.

Спектакль проходил живо и весело. Зрители от души смеялись над зазнавшимся Помидором. Тот, совершив массу ошибок и промахов, осознал это, раскаялся и вымолил прощение у остальных садово-огородных «собратьев». Те простили его, снова приняв в свою дружную компанию. Дети сыграли еще несколько сценок, пели и танцевали.

– А кто может вспомнить стихи обо мне? – спросила «осень».

– Я!

– Я знаю! – раздались возгласы.

Небольшого роста крепыш в костюме винограда начал читать:

Пришла без красок и без кисти
И перекрасила все листья...

Сценическое действие продолжалось, и в дополнение к детям на сцене появился еще один «герой». Им оказалась женщина лет сорока, заведующая детдомом – Ануш Параджанян. До сегодняшнего спектакля многие из присутствующих знали ее именно в этом качестве, в котором, кстати, проявляла себя достойно. Но на этот раз Ануш выглядела необычно, играя роль злого садового вредителя – гигантского червяка.

Параджанян вообще считала себя натурой творческой, и на это у нее имелись свои причины. В молодости Ануш мечтала поступить в театральный институт, видя себя в роли если не великой, то, уж во всяком случае, талантливой актрисы. Но судьба – штука непредсказуемая. По разного рода причинам театральная карьера не сложилась, и теперь она могла «отрываться» на детских утренниках. Впрочем, будучи женщиной жизнерадостной, Параджанян не переживала, воспринимая все по-философски.

В эксклюзивном костюме она выглядела весьма забавно, что вызвало волны улыбок и смеха в зале.

Я червяк, гроза садов,
Фруктов и любых плодов.
Всем в саду я угрожаю,
С аппетитом поедаю! —

устрашающе, с придыханием произнесла Ануш, изображая страшное существо.

Театральный конфликт, как говорится, был налицо. Испуганные садовые культуры должны были предпринять какие-то решительные действия, чтобы защитить себя от мерзкой твари.

Зал внимательно слушал все то, что происходило на сцене. Сегодня здесь присутствовали взрослые, преимущественно мужчины. В основном это были местные жители, попадалась и форма военных. Среди них обращали на себя внимание несколько армян явно неместного вида. Все, правда, прекрасно знали, что это – представители диаспоры, приехавшие в гости. Ими занимался один из «главных людей» Агдама. Повадки хозяина жизни, наблюдавшиеся в поведении и внешнем виде, соответствовали положению, которое он занимал в городе. Тигран Авакян, мужчина лет пятидесяти, был в городе и окрестностях влиятельной фигурой. Одетый в дорогой костюм, с несколькими великолепными перстнями на руках, он выделялся из толпы агдамцев.

Здесь Авакян выглядел немного иначе, будучи крайне предупредителен и подобострастен с гостями. Сегодня ему пришлось играть несколько непривычную для себя роль, спустившись на землю.

– Ишь, как крутится, – саркастично заметил один из агдамцев, наклонившись к соседу, – прыгает перед ними на задних лапках.

– Получить что-то хочет, – отозвался тот, взглянув на «хозяина города».

– Денежки, что же еще, – хмыкнул собеседник.

Говорили они совсем негромко. Желания быть услышанными Тиграном или его людьми ни у кого не имелось. В Агдаме от Авакяна зависело очень многое. Мнения же самих агдамцев о нем были разными.

– Браво!

– Молодцы! – Горячие аплодисменты подбадривали участников спектакля.

В зале находилось много бойцов Армии обороны Карабаха, крестьян из местных поселков.

– Ты знаешь, я вот смотрю на этих детей и понимаю: не зря мы кровь свою проливали и сейчас это делаем! – делился впечатлениями человек в камуфляже со своим соседом, сидевшим справа.

– Еще бы! – ответил тот. – Все ведь ради детей делаем! Я вот вспоминаю, как мы в свое время Агдам освободили. Трудно было себе представить, глядя на руины, что город возродится.

На лице говорившего виднелось несколько шрамов, свидетельствующих о том, что он немало успел потрудиться на военной ниве.

Тигран же комментировал все происходящее, не оставляя «важных» зрителей без внимания.

– Как видите, уважаемый, – говорил Авакян гостю, – жизнь налаживается, и люди тянутся к прекрасному.

– Согласен, ничего не скажешь, – поправил тот галстук, – видно, что все делается с душой.

– Одна проблема – финансы... – горестно развел руками Тигран. – Хорошие есть идеи, планы, я уж не говорю о самых насущных проблемах, которых, как всегда, – миллион. Но с нашим мизерным бюджетом, если его так можно вообще назвать, мало что можно реализовать. Связанные руки...

– Ничего, это дело поправимое, – успокоил его гость, щелкнув пальцами, украшенными дорогими перстнями, – на хорошие цели денег не жаль. Нам страну отстраивать надо, и уж мы постараемся, чтобы люди знали – диаспора в стороне не останется.

К армянской диаспоре Авакян питал неподдельный интерес и приязнь. Он часто приглашал гостей на подобные мероприятия. Ведь из центра выбить финансовые вливания было

делом чрезвычайно тяжелым. Средств на всех не хватало, и Тигран занимался поиском спонсоров с невероятной энергией. И это давало результаты. Вот и сегодня Авакян старался...

Он хотел что-то еще сказать гостю, но в этот момент к нему, пригнувшись, чтобы не мешать зрителям, подбежал человек с малоприметной внешностью. Это был Сурен Хачатрян – его помощник, доверенное лицо. Он что-то зашептал начальнику на ухо. Авакян кивал, слушая его.

– К сожалению, уважаемый, должен вас покинуть, – произнес Авакян, выслушав помощника, – прошу меня извинить.

– Что-то случилось?

– Да нет, ничего особенного, – улыбнулся Тигран, – рутина. Дела, дела... Куда же от них денешься? Это вы в гостях, а у меня ведь время не нормировано. Нет-нет, вы оставайтесь, смотрите представление, увидимся позже.

Гости кивнули, а Тигран быстрым шагом отправился к дверям. На его оставшееся пустым место тотчас сел один из зрителей, до этого сидевший на полу. Представление продолжалось.

Дети, одетые фруктами, закружились в хороводе, затянув веселую песню. Зрители принялись хлопать в такт.

И вдруг совершенно неожиданно послышался странный свист. Секунду спустя за окном, прямо во дворе раздался взрыв. Ударной волной в зале выбило все стекла, брызнувшие внутрь. Раздались крики и ругательства: стеклянный дождь – штука малоприятная. Некоторые ощутили это на себе особенно.

– А-а-а! – заорал один из зрителей, которому острый стеклянный «зуб» впился в шею. – Помогите!

Он упал на колени, неестественно вывернув голову, пытаясь самостоятельно вытащить стекло. К нему на помощь бросились люди. Под истошный крик осколок был вытасчен. Но проблемы на этом не закончились. Следом за первым последовал новый взрыв. Затем – еще и еще.

– Миномет! – послышалось сразу несколько голосов. – Это же целенаправленный обстрел.

– Выходить надо, иначе нас тут всех накроет, – обернулся стоявший у сцены пожилой мужчина с кепкой в руках.

– На улицу! – перекрыл крики и взрывы чей-то командный голос. – Быстро, выходим. Организовано, один за другим!

Реакция на происходящее была разной. Военные и ополченцы довольно оперативно сориентировались и с оружием в руках бросились к выходу. Жизнь в обстановке повышенной опасности накладывала свой отпечаток на поведение в самых непредвиденных случаях.

Гостям, оказавшимся в такой обстановке впервые, пришлось гораздо хуже. Армяне из диаспоры были крайне растеряны, никто из них не ожидал ничего подобного.

– Что делать? – панически закричал один из них – толстяк абсолютно гражданского вида, прикрывая голову портфелем. – Надо же куда-то прятаться!

– Куда прятаться? – развел руками его товарищ. – Тебе же сказали: выходим на улицу.

– Нет! На улицу я не пойду, я еще жить хочу, – отрицательно помотал головой толстяк. – На улице куда опасней, лучше здесь где-нибудь схорониться.

– Так здесь тебя и завалит! – подключился третий, как видно наиболее хладнокровный из них. – Мало того что сам тут ляжешь, так и нас под монастырь подведешь.

Несмотря на сопротивление, он крепко схватил потерявшего самообладание толстяка и потащил его к выходу.

Дети, словно загнанные зверьки, заматались по сцене, не понимая, как же поступить в сложившейся ситуации. Зато заведующая оказалась на высоте. Женщина лишь в первое мгновение растерялась – уж очень страшно выглядело все это. Однако почти сразу же Ануш опом-

нилась и принялась действовать. В момент начала обстрела находясь за кулисами, она прямо в театральном костюме бросилась на сцену.

– Дети! Все ко мне! – Ее голос стал спасительным для воспитанников, обезумевших от ужаса. – Быстрее идите сюда.

Она собрала всю свою «театральную труппу» и принялась спускаться в зал.

– Спокойно! Не толкайтесь! Сейчас мы все будем в безопасности, – приговаривала она, направляя движение маленьких артистов. – Давайте, один за одним, гуськом.

Дети, видя, что заведующая знает, что делать, повиновались ее словам. Но вдруг мина пришлась как раз в стену, под которой двигались дети. С потолка упала балка. Со страшным грохотом, подняв кучу пыли из уже осыпавшейся штукатурки, громадная балка проломила деревянную сцену в каком-то метре от детей.

– В сторону, на пол! – скомандовала Параджанян, толкая детей. – Падайте!

Раскинув руки, она закрыла двух из них своим телом. На нее посыпалась штукатурка и битое стекло. Сейчас заведующая совсем не думала о себе. Ее мысли занимало только одно – спасти детей. Еще один взрыв привел к тому, что со стены рухнуло и разлетелось на кусочки огромное «театральное» зеркало.

– Ай! – вскрикнула девочка, изображавшая плод граната.

– Зара, что с тобой? – кинулась к ней заведующая.

– Не знаю... – простонала та. – Мне больно.

Под сотрясавшими помещение разрывами мин Ануш подползла к Заре и быстро осмотрела ее. Как оказалось, серьезных повреждений у маленькой актрисы не было, но ее порезали осколки стекла, и из многочисленных ранок текла кровь. Девочку била нервная дрожь, и она не могла успокоиться. Тем более что взрывы продолжали сотрясать школу.

– Вай мэ, цаватанэм! – приговаривала заведующая фразу, означающую на армянском: «Чтобы все твои болячки перешли на меня!»

– Ты будешь здоровая, только не плачь и не пугайся. – Она вытирала кровь с ее руки и лица.

Схватив ее на руки, Ануш скомандовала воспитанникам бежать за ней и бросилась к другому выходу, ведущему в подвал. Дети спускались по крутым ступенькам вниз, торопясь, чтобы их снова не настигли неприятельские мины. Войдя последней и опустив на лавку пострадавшую, заведующая захлопнула тяжелую дверь.

– Ну что, Зара, – ласково спросила она, – как ты?

Та, еще не придя в себя, тихо плакала.

– Тетя Ануш, я что, умру, да?

– Ну что ты, глупенькая, – гладила Параджанян ее по голове, – все будет в порядке, поверь мне. Ах, лучше бы со мной случилось что-нибудь, чем с вами!

– Не говорите так, тетя Ануш, вы такая храбрая, вы нас спасли, – слабым голосом произнесла Зара, – если бы не вы, мы бы погибли.

Здесь, внизу, под зданием школы, было гораздо спокойнее. Взрывы доносились уже приглушенно и пугали не так сильно. Дети, собравшись в кружок, делились впечатлениями.

– Да, не успела я глазом моргнуть, как оно все началось, – пожала плечами девочка с распущенными волосами, – какой ужас!

– Вот так и со мной было, – тяжело вздохнул один из подростков, – я хоть и маленький тогда был, а все помню. Мы сидели во дворе нашего дома: я, родители и две сестры. Мама готовила обед, а папа читал газету. И вдруг начался обстрел. Мама сказала: бежим в дом, но мы ничего не успели сделать. Папа схватил на руки сестренку, чтобы бежать в подвал, а я хотел идти за ним. Но не успел. Снаряд разорвался прямо во дворе. Я очнулся в больнице... и мне сказали, что все погибли. А у меня осталось вот это. – Мальчуган задрал штанину, демонстрируя большой шрам на ноге.

– Как вы думаете, тетя Ануш, – спросил большеглазый Карен, – нас не засыплет здесь?

– Нет, что ты, не волнуйся, – ответила та, прислушиваясь к разрывам наверху. – Когда все закончится, мы выйдем наверх.

К счастью, здание школы, построенное более ста лет тому назад, было примером качества работы того времени, когда здания строили на века. Тогда не экономили на стройматериалах, что сегодня, чего греха таить, встречается сплошь и рядом. Заведующая, несмотря на существовавшую опасность, все же перевела дух, с облегчением думая о том, что свою главную задачу она выполнила – детей она спасла.

– Почему они так ненавидят нас? – печально спросила Зара.

Она уже пришла в себя и теперь лишь вздрагивала от разрывов наверху.

– Неужели они хотят нас всех убить? Что плохого мы им сделали, этим азербайджанцам? Мы ведь не причинили им вреда...

– Тихо, тихо, деточка, – произнесла Параджян, взяв ее за руку, – все будет хорошо.

Что она могла сказать этим детям?

Внезапно разрывы прекратились.

– Слышите, тетя Ануш? – разом загалдели дети. – Все стихло. Можно выходить!

– Не надо спешить, дети, – рассудительно произнесла заведующая, – такими вещами не рискуют.

Она прислушалась. Похоже, и правда стрельба затихла окончательно. Параджян отворила тяжелую дверь и поднялась наверх. Убедившись, что опасность миновала, она скомандовала детям выходить.

Оказавшись там, они начали кашлять и чихать – в помещении пыль стояла столбом. Актальный зал представлял собой печальное зрелище. Выбитые стекла, разбитые кресла, все было засыпано штукатуркой. Но наиболее впечатляющее наблюдалось на сцене. Именно туда упала тяжелая балка с потолка. Она проломила дощатый пол и теперь смотрелась зловещим орудием убийства.

– Вот если бы это случилось чуть пораньше... – протянул кто-то из детей. – Тогда уж точно некоторым подвал бы уже не понадобился.

– Ой, мамочки! – воскликнула перепуганная Гаяна. – А ведь я стояла как раз на том месте. Это значит...

– Все! Идем на улицу, – прекратила Параджян дальнейшие рассуждения о том, что могло бы случиться.

Пробравшись сквозь завалы, они очутились во дворе. Надо сказать, что и здесь картина выглядела не менее «насыщенной». Минометы сделали свое дело – земля была изрыта воронками. К детям подбежали те, кто уже давно находился во дворе.

– У вас все в порядке? Все живы? – Мужчина в камуфляже внимательно, цепким взглядом пробежался по детям, остановив взгляд на Заре, которую положили на лавочку.

– В основном все нормально, – ответила заведующая, – вот только девочку осколками стекла порезало.

– Сейчас... – Мужчина извлек бинт, и они принялись бинтовать пострадавшую.

Та уже не плакала, а только расширившимися глазами смотрела на изменившийся двор. Клумба с цветами, еще какой-то час назад бывшая в идеальном состоянии, сейчас была разворочена.

Остальные дети были перепачканы, но главное, что ранений больше ни у кого не имелось. Ну разве что Тигран расшиб себе колено. Но это были, конечно, мелочи...

Несмотря на то что наступила тишина, люди успокаиваться не желали. Настроение у присутствующих от недоуменно-растерянного быстро перешло к агрессивному. Эмоции искали выхода.

– Скоты, – протянул мужчина в камуфляже, обернувшись в сторону Азербайджана. – Вы думаете нас запугать? Не выйдет!

Это стало словно командой. Все наперебой кричали и угрожающе размахивали руками.

– Они убивают не только нас, они убивают наших детей! – Ненависть к азербайджанцам переполняла всех.

– Трусливые ублюдки! У вас не хватает смелости открыто выйти на бой!

С пробитой крышей, зиявшее выбитыми окнами, здание напоминало о том, что мирные времена для Карабаха – пока что штука условная.

Глава 2

Горы, поднимавшиеся уступами высоко вверх, находились уже на азербайджанской стороне. Отсюда до условной линии размежевания было всего километра три, но и здесь жили люди. Их предки селились тут, когда никто и представить не мог, что по этим горам проляжет граница, политая кровью тысяч армян и азербайджанцев. Линия размежевания и правда была «условной», поскольку сделать ее железным заслоном ни у той, ни у другой стороны не было ни возможностей, ни желания. Постами были перекрыты лишь те места, где можно проехать на транспорте, по горным же тропинкам местное население вполне успешно попадало и в закрытую зону размежевания.

По одной из таких троп мужчина лет сорока пяти с застарелым ожогом на лбу вез вязанку хвороста на ишаке. Карабахские ишаки вообще считаются лучшими на Кавказе, а уж ослик, карабкавшийся сейчас по извилистой дорожке, и вовсе демонстрировал чудеса сообразительности. Животное могло бы смело составить конкуренцию любому дрессированному собрату в цирке. Ослик выполнял приказания хозяина идеально – все, что ему скажут. До дома в небольшом поселке было уже недалеко. Этот путь Фазиль Аббасов со своим ишаком проделывали ежедневно. Хворост нужен постоянно, так что рейды в горы были привычным занятием.

Дорога, перевалив через гребень, пошла вниз. Уже виднелись дома. Поселок с возвышенности казался овалом, разделенным на ломтики дорогами и улицами. В центре на площади возвышался минарет мечети.

– Почти пришли, – пробормотал Фазиль, обращаясь, за неимением другого собеседника, к ишаку, – что, рад небось?

Тот, словно понимая, о чем речь, весело дернул головой и прибавил ходу, стремясь поскорее вернуться домой, скинуть с себя эту порядком надоевшую ему ношу и отдохнуть. Проводник тоже утомился за сегодня, тем более что с раннего утра почти ни разу и не присел.

– Да, вижу, что рад, – улыбнулся Аббасов, – раз так, то – вперед!

Мирная картина поселка неожиданно была нарушена свистом минометных снарядов. Еще до того, как первые из них долетели до земли, погонщик ишака понял, что к чему. Долгие годы жизни в почти непрекращающихся военных условиях научили местных жителей оперативно реагировать на столь характерные звуки. И правда – спустя несколько секунд стали появляться первые результаты минометного обстрела.

Между домами обозначились первые разрывы – облачка беловатого цвета. Фазиль огляделся – стреляли, несомненно, с армянской стороны. Оно и понятно – с какой стати своим стрелять по своим? Первые взрывы, прозвучавшие словно гром с ясного неба, быстро превратились в сплошную канонаду. Удары минометов все гуще засыпали поселок. Причем снаряды ложились совсем неподалеку от человека с ишаком.

– Придется пережить, – заключил погонщик, видя, что и его может запросто зацепить осколком.

У него было предостаточно опыта, в том числе и военного, так что сейчас стоило подумать о том, где можно укрыться. Он огляделся и, увидев подходящее место, немедленно подался туда. Укрытие представляло собой русло пересохшего ручья. Когда он тут протекал, погонщик не имел ни малейшего представления. Во всяком случае, еще когда он был мальчишкой, здесь было сухо, как в пустыне. А вот для того, чтобы укрыться от опасных гостинцев со стороны противника, эта балка подходила очень даже неплохо.

– Давай, шевелись! – закричал Фазиль, увлекая за собой ишака. – У меня нет времени тебя уговаривать.

Но на этот раз всегда покладистое животное никак не хотело подчиняться. Может быть, ишак, оказавшись поблизости от дома, решил, что сейчас его поволокут на очередную работу, может, еще что, но он намертво уперся, не желая сходить с места. Разрывы усиливались.

– Вот же упрямая скотина! – в сердцах вскричал погонщик. – Сам хочешь загнуться, так и меня угробишь. Ох, горе мне, горе...

Он принялся что было сил тащить ишака в балку. Препирательства человека и животного окончились тем, что хворост рассыпался. Это вызвало еще больше упреков со стороны хозяина. Однако разорвавшийся вблизи снаряд спугнул ишака, и он стал менее упрямым. В результате его все же удалось спровадить в сухое русло.

– Вот так-то будет лучше, – тяжело дыша, произнес погонщик, слушая, как неподалеку продолжаются взрывы мин, перемежаясь с криками раненых и звоном стекол. – Пока можно и покурить.

Он похлопал себя по карманам. Достав пачку, Фазиль убедился, что там оставалась как раз последняя сигарета. Под грохот канонады он закурил и откинулся на спину, глядя в синее небо. Заняться все равно было нечем, оставалось ждать.

Долго разлеживаться ему не пришлось. Обстрел с армянской стороны продолжался еще пару минут и окончился столь же внезапно, как и начался.

Полежав еще несколько минут для страховки, Фазиль Аббасов выбрался на край балки, глянул вниз, на дорогу. По дороге пылил микроавтобус. Это была карета «Скорой помощи», но, в отличие от привычного европейцу красного креста, ставшего стандартным опознавательным знаком, на этом авто красовались таких же размеров красные полумесяцы. Этому находилось весьма простое объяснение, поскольку азербайджанцы – мусульмане суннитского толка, и красных крестов на каретах «Скорой помощи» там не может быть по определению.

– Странно, – хмыкнул погонщик, – что бы ей там делать?

Его удивление вызвало то, что машина шла не из глубины Азербайджана, а от линии азербайджанской обороны, то есть со стороны окопов и Лачинского коридора.

– А может, просто машина оказывала там помощь и теперь возвращается? – пожал плечами Фазиль. – Да, видимо, так и есть...

Впрочем, ему теперь было не до того. Сейчас важным было побыстрее добраться до дома. Что там – он не знал, так что оставалось надеяться на лучшее. Кое-как собрав хворост, он двинулся в поселок. Идя по улицам, Аббасов наблюдал печальную картину разрушений. Наконец мучительный путь окончился, и он со вздохом облегчения оказался у своих ворот.

Вихрем ворвавшись во двор, он понял – все нормально. Его дом не пострадал, все было цело. Однако два соседских беда не обошла стороной. Крики и плач, доносившиеся с соседних дворов, заставили вздрогнуть. Гюльнара, женщина сорока лет, навсегда закрыла глаза. По поселку погибло четверо, но множество людей получили ранения разной степени тяжести.

Микроавтобус «Скорой» уже стоял у соседнего дома. Да, сегодня в поселке медицинская помощь требовалась многим. Там мелькали белые халаты.

Возмущение жителей поселка не знало границ. Группы обозленных людей выкрикивали слова проклятий.

– Сволочи!

– Убийцы!

– Вы прячетесь, стыдясь показать свои шакальи лица! Вы только и можете, что обстреливать мирные поселки!

Рауф Ибрагимов, купивший недавно машину, сейчас стоял у ворот, произнося все ругательства, которые знал. «Опель», купленный им каких-то десять дней назад, уже не подлежал восстановлению. Взяв соседа за руку, Рауф тыкал в грудь железа пальцем, задавая один и тот же дурацкий вопрос:

– И кто мне заплатит за это?

Машина у Рауфа не была застрахована, и надеяться ему, понятно, было не на что. Это приводило его в состояние, граничащее с иступлением. Бормоча ругательства, он поднимал то осколок стекла, то искореженную дверь и бестолково хлопал глазами, начиная понимать, что в ближайшие годы новое авто ему явно не светит.

Доктор «Скорой помощи» занимался своим делом, бинтуя раны тем, кто имел несчастье подвернуться под миномет. На первый взгляд этот турок мало соответствовал своей профессии – грубый мужчина неприятной внешности. Он настолько густо зарос волосами, что только узкий лоб и глаза оставались свободными от зарослей.

Еще со времен армяно-азербайджанского конфликта Анкара негласно переправляла в Баку «гуманитарную» помощь различной скорострельности и калибра, а также военных советников. Согласно международным нормам, теперь поставки оружия и боеприпасов в зону конфликта категорически запрещены. За этим пристально смотрят иностранные наблюдатели – в случае нарушений можно и санкции ООН схлопотать. Но медики-волонтеры из Турции вполне могут присутствовать на азербайджанской территории – гуманитарную помощь никто не запрещал.

«Скорая помощь» в том же Азербайджане – структура сугубо частная. Подобные медицинские службы здесь существуют с конца 90-х. Все очень просто – берется подряд на медобслуживание определенной территории у государства, и за это получают деньги из бюджета. Хозяин предприятия, по слухам – отставной генерал, проживал где-то в Баку и на границе с Карабахом появлялся весьма редко. Да и что ему тут делать? Тем более, здесь работал гражданин Турции Хасан Керимоглу, который все решал на месте. Кроме этого микроавтобуса в районе действовало еще несколько неотложек.

– А чего это салон «Скорой помощи» уже закрыт? – хмыкнул сосед Фазиля. – Странно... Только начали работу и что – уезжать собираются?

– Видимо, там уже есть кто-то из пострадавших, – высказал предположение Аббасов.

Турок выложил бинты, лекарства и прочее на небольшой складной столик и делал перевязки на открытом воздухе. Сейчас он был занят перевязкой ноги мальчика лет семи. Тот плакал во весь голос. Его мать держала мальчугана за руки и пыталась успокоить.

Фазиль, глядя на потерпевшего, вдруг вспомнил свое. Он вздрогнул и украдкой вытер скупую мужскую слезу, пытаясь проглотить комок в горле. В свое время Фазиль, бывший участковый милиционер, пережил трагедию, которая не забывалась и не утихала, несмотря на прожитые годы.

Восемь лет назад вместе с женой и маленьким сыном Джафаром он ехал на своих «Жигулях» через Лачинский коридор. Тот день оказался самым страшным для семьи Аббасовых – машина подорвалась на mine. Жена Эсмירה погибла мгновенно, сам же Фазиль чудом выжил. Израненный, он тогда с трудом добрался до своих. Его долго выхаживали врачи. Ожог на лице не давал забыть о том дне.

Кто тогда поставил мину – осталось неизвестным. Возможно, армяне, но вполне могли и свои. Дело было не в этом. Хуже всего – если не считать, конечно, смерть Эсмیری – оказалось исчезновение Джафара. После Фазиль все там облазил, но безуспешно. Возможно, мальчика при взрыве выбросило из машины, и он скатился в глубокое ущелье. А там со времен войны столько непохороненных...

Как бы то ни было, но Аббасов понимал, что сын погиб. Как раз на месте гибели, в нейтральной полосе, он соорудил сыну условную могилу, поставил скромный памятник в виде обелиска. Большой камень он обтесал своими руками, выбив на нем и соответствующую надпись. Вообще-то мусульмане особо за могилами не ухаживают, но за годы нахождения в СССР в Азербайджане привились и некоторые европейские традиции. Фазиль понимал это как обустройство места, куда можно было бы ходить. К сыну.

Голоса вывели Фазиля из задумчивого состояния.

– ...Да эти армяне – вообще не люди! – распинался Керимоглу, закончив перевязку очередной жертвы. – Их же вместе с евреями во всем мире ненавидят. Мало их в 1915 году выселили. Мало того что они оккупировали наши исконные земли. Но им же все мало. Они не могут жить как нормальные люди. Нет, их остановят только танки. Слава богу, мы эту проблему у себя еще сто лет назад решили. А иначе было бы то же самое, что и у вас.

– А я вот как-то сидел в Ростове в ресторане и познакомился с армянами, – произнес Фазиль, у которого оснований не любить их имелось более чем достаточно, – мне от их столика бутылку коньяка прислали, я тем же ответил...

– Ну и что? – непонимающе уставился на него турок. – К чему это ты?

– Нет, поначалу мы друг на друга зверем смотрели, да, – вспоминал Аббасов, – а потом, слово за слово, разговорились. И оказалось – очень приличные люди. Они сами и говорят: мол, войну наши придурки спровоцировали! А я говорю – нет, это были наши придурки! Те, кому наплевать на простых людей, те, кто подсчитывает барыши от людских несчастий. Потом выпили за дружбу, за Кавказ, за Арцах-Карабах... Соседи, понимаешь, а с соседями надо жить в мире!

Керимоглу раздраженно фыркнул. Слушая Аббасова, он надувался, как индюк, и было видно, что ему это явно не по нраву.

– Ничего ты не понимаешь! – Он хлопал себя по коленям, едва не лопааясь от возмущения. – Они на таких вот простачков и рассчитывают. Вчера они у вас Карабах отобрали, а завтра армянские танки и в Нахичевани будут!

– И правда, Фазиль, – кивнул сосед Аббасова, – армяне – наши враги, и как ты можешь их защищать? Я знаю тебя как человека хорошего, но слушать от азербайджанца такое – это...

– Я вообще не понимаю – что делает наша армия? – подключился еще один из пострадавших.

У Али Мирзоева в доме выбило стекла и пробило крышу.

– Надо отвечать тем же! – решительно заявил он. – У меня сын служит в армии, и я расскажу ему, что творят армяне!

Обсуждение продолжалось. На Аббасова вскоре уже не обращали внимания. Он, постояв еще немного, махнул рукой и молча поплелся в дом. Слушать подобное у него больше не было никакого желания.

– Что он плетет? – пренебрежительно скривился Хасан, глядя ему вслед. – Как вы его вообще терпите? Азербайджанец, а рассуждает как неизвестно кто!

– Да ведь он немного не в себе, – выразил общее мнение Али, – мы-то его знаем...

– А что на него обижаться? – поддержал его кто-то. – После гибели семьи у кого хочешь с головой проблемы начнутся. А так-то он всегда поможет – и словом, и делом.

Тем временем санитары принесли еще одну жертву обстрела. Турок был вынужден прервать свои разглагольствования и приняться за свои прямые обязанности.

Через час микроавтобус вырулил из поселка. В населенном пункте царила тягостная атмосфера – до заката солнца, как и положено правоверным, надо было похоронить погибших...

Глава 3

Новая фаза азербайджано-армянского конфликта, как обычно, была весьма печальна. Несмотря на официальное перемирие, люди здесь гибли постоянно. Так и на этот раз: последствия обстрела и Агдама, и азербайджанского поселка сразу за линией размежевания привели к новым жертвам, причем исключительно из числа мирных жителей. Несколько погибших, с десятков раненых с каждой стороны. Как стало известно, в Агдаме в числе прочих был ранен представитель диаспоры, крупный бизнесмен Казарян, а на азербайджанской стороне – несколько человек погибло.

Нагорный Карабах – регион взрывоопасный. И с армянских, и с азербайджанских оборонительных позиций периодически друг друга вяло обстреливают. Позиции там как во Второй мировой: блиндажи, мешки с песком, брустверы, тройные линии окопов... Но вот такие массированные обстрелы мирных населенных пунктов, соответствующие полновесным военным действиям, выглядели в глазах мировой общественности вызовом здравому смыслу и попыткой снова взвинтить напряженность. В той ситуации, которая царила на границе, и в спокойное время достаточно одной лишь искры, чтобы последствия стали непредсказуемыми. А сейчас и вовсе положение грозило выйти из-под контроля. Мировая общественность приложила немало усилий, чтобы армяно-азербайджанская война начала девяностых окончилась если не миром, то хотя бы перемирием. И вот сейчас все могло повернуться снова в сторону войны. Поэтому вполне понятно, что внимание крупнейших мировых телеканалов, организаций и прочего было приковано к тому, что произошло на границе.

Вот здесь началось типичное в таких случаях «перетягивание каната». Официальный Баку категорически отрицал причастность к обстрелу. Вообще, политика Азербайджана в регионе такова: лучше плохой мир, чем хорошая война. Официальный Степанакерт, в свою очередь, выражал твердую уверенность, что это – подлая азербайджанская провокация. Здесь также отрицали свою причастность к минометному обстрелу азербайджанских домов.

Каждая из сторон оперировала судьбами несчастных мирных жителей, потерявших кров, здоровье, а то и саму жизнь по причине нечеловеческих действий врага. В кадрах новостей мелькали минорные сюжеты, снятые то на одной, то на другой стороне. Горе людей не подвергалось сомнению, но непонятен был один и, пожалуй, самый главный вопрос: кто же тогда обстреливал детдом и поселок?

Ситуация выглядела настолько запутанной, что теперь оставалось думать хотя бы о том, как не допустить дальнейшей эскалации конфликта. В Карабах-Арцах было решено направить международный контингент миротворцев, среди которых и российские военные. Русские в статусе международных миротворцев пребывали по обоюдному согласию сторон. Зная, что Москва занимает в конфликте взвешенный и нейтральный подход, и в Баку, и в Степанакерте доверяли России, понимая, что та не станет отдавать предпочтение ни одной из враждующих сторон.

Кстати говоря, международные наблюдатели от России, Ирана и Турции в регионе уже давно присутствовали. Особую активность в этом плане проявляла последняя страна, весьма озабоченная положением дел у своих границ. Наблюдатели, консультанты, советники, волонтеры от Турции находились в Азербайджане в немалом количестве. Среди них хватало и «гостей» из самых разных стран.

Глава 4

Полоса препятствий для десантников – штука знакомая до боли. Для того чтобы сделать из них настоящие боевые машины, проходить подобное развлечение приходится регулярно и в разных «вариациях». Так было и сегодня. На базе элитного подразделения десантуры, где служил сержант Владимир Локис, жизнь была ключом.

Как тут не вспомнить проверенную Афганистаном, Чечней и прочими менее известными точками мудрость: больше пота на полигонах – меньше крови в бою. А к бою десантники, как известно, должны быть всегда и, скажем так, особенно хорошо готовы. Потому что так уж повелось – в бой они всегда вступают первыми. И самые трудные боевые операции в войнах и конфликтах последнего времени поручаются именно «крылатой пехоте».

Протянувшаяся более чем на два километра десантно-штурмовая полоса позволяла преодолевающим ее десантикам получить очень многие необходимые в бою навыки. Это была не спортивная, а тактическая, то есть боевая полоса препятствий. Поэтому преодолевалась она в составе отделений и с обязательной отработкой тактических элементов. Проще говоря, пока одни бойцы отделения преодолевали те или иные препятствия, другие их прикрывали.

От других учебных мест полоса отличалась, как говаривали бывалые спецназовцы, «особыми фишками». Здесь каждый элемент был призван формировать определенные навыки. Например, преграда «высотные столбы» помогала выработать быстроту реакции; трапеция, имитирующая высотное здание, – приобрести ловкость в действиях на высоте.

Во время прохождения этой двухкилометровки, которая штурмовалась не в одиночку, а в составе отделения, десанникам приходилось перебираться через противотанковый ров глубиной в рост человека, мини-скалодром, преодолеваемый при помощи альпинистского снаряжения, бассейн с горящим верхним слоем из бензина, двухметровый забор... Ну и конечно, натянутая низко над землей колючая проволока, способствующая выработке у обучаемых морально-психологической устойчивости. Выполнить норматив на время по огневой подготовке после преодоления столь сложной десантно-штурмовой полосы, конечно, очень непросто, но ведь и на войне, как сказал командующий, «тепличных условий не предвидится».

Несмотря на то что первоначально эта тактическая десантно-штурмовая полоса замышлялась исключительно для подготовки разведчиков, командующий ВДВ принял не подлежащее обсуждению решение: такую полосу должны уметь преодолевать все десантники, даже включая личный состав подразделений тылового обеспечения.

Бойцы выходили на полосу препятствий. Под выстрелы и крики они проходили все. Во время испытания десантников постоянно задымляли удушливым дымом. Особенно трудно приходилось в «мышеловке». Она представляла собой сужающийся к выходу бункер под землей. На выходе имелся длинный ров под колючей проволокой, ползти по нему в противогазе надо было метров двадцать, прижимаясь к земле так, что на зубах скрипел песок. И дым, всюду стоял дым... Едкая дрянь затрудняла дыхание, которого и без того не хватало. А время шло. Пространства было мало, назад пути не существовало. Только вперед, задыхаясь от дыма в противогазе, который от него почти не защищает...

Локис вместе с остальными участниками испытаний метал нож и саперную лопатку, спускался и поднимался по канатам на высоту трехэтажного здания, преодолевал горящую городскую свалку, проволочный забор, минно-заградительные препятствия. Скрежеща зубами от напряжения, он переправлялся по тросу, натянутому на высоте десяти метров между макетами вертолетов, обливаясь потом, переносил на себе «раненого» и проходил «обкатку» гусеницами, сидя в окопе. И все это под непрекращающимся огнем «противника», который имитировали холостой стрельбой из орудий и пулеметов несколько БМД.

Несмотря на сегодняшнюю почти запредельную насыщенность полосы, Локис укладывался в нормативы. Рядом с ним находился молодой пацанчик, тоже, естественно, контрактник. Звали рядового Сергей Онищенко. На контракте в ВДВ он был совсем недавно, и получалось у парня не все. Поскольку норматив засчитывался «по последнему», Локис должен был тащить Онищенко на себе – в переносном, а иногда и в буквальном смысле. Так что работать часто приходилось за двоих.

Тяжелее всего Онищенко пришлось на «стенке» – вертикальном заборе высотой два с половиной метра, для преодоления которого необходимо было сделать «выход силой». Без тяжелой разгрузки и «броников» рядовой, может быть, и смог бы это сделать, но после того, как тело уже выдержало запредельные нагрузки, такой поворот событий уже казался фатальным. С первого раза проклятая стенка не поддавалась. Сжутьничать и обойти стенку было нельзя. За процессом выполнения задания зорко наблюдали. Онищенко сделал три бесплодные попытки и уже было хотел сдаться, но внезапно злость на самого себя открыла в организме невиданные резервы энергии. Десантник заорал и перемахнул через стенку так, как будто прыгал максимум через низенькую ограду песочницы.

Затем предстоял экзамен по стрельбе из оружия. Здесь тоже было где развернуться – семь видов, включая крупнокалиберный станковый пулемет. И из всего этого богатства нужно было попасть в цель.

* * *

И в конце, «на сладкое», приходился спарринг, свободный бой со свежими бойцами, которые не бежали кросс, не проходили полосу. И здесь нужно было выстоять.

Спарринг – это двенадцать минут непрерывного боя, когда против одного претендента выступают четыре сменяющихся противника. В роли противников обычно выступают более опытные бойцы – товарищи по службе, но бьют они совсем не по-товарищески. А после боя эти самые противники поздравляют тех, кто прошел последний этап.

– Начали! – прозвучала команда, и несколько десятков человек запрыгали как мячики, замахали руками и ногами, испытывая друг друга на прочность.

Здесь уже правил было поменьше, и каждый думал о том, как выстоять.

– Ничего, держись, Серега! – ухмыльнулся Локис, похлопав напарника по плечу. – Всем сначала тяжело. С десятков таких полос – и станешь совсем другим человеком.

– Ну да, – вздохнул тот, думая о том, что еще не закончены сегодняшние испытания.

Спарринг-партнером у них оказался зверовидный старшина Каширин. Махался он так, словно на карту поставлена его жизнь. Он и всегда так дрался – совершенно не жалея соперников. Сам Локис уже имел счастье пару раз с ним спарринговаться, чудом уцелев. Это была жуткая машина для уничтожения.

Работали бойцы в полный контакт, имея из защитного оборудования только легкие боксерские перчатки, от которых толку было мало.

Не повторяя ошибки соседей, сержант с первых секунд очень серьезно отнесся к своему противнику. Впрочем, иначе тут и не выходило. Здоровяк Каширин, которого за глаза именовали Гирей, был сложным противником. Совмещая бешеную скорость и мощь, он взялся за дело основательно. Локис едва успевал ставить блоки, затем провел серию контрударов, ни один из которых, правда, не достиг цели. Каширин попробовал пробить сержанта прямым ударом ноги, но тот, рванувшись в сторону, мастерской подсечкой сбил противника с ног. Болевой на шею не удался: Каширин кошкой выскользнул из захвата Локиса, перекинул его через себя и врезал боковым с ноги по скуле. Сержант упал на землю, но тут же развернулся, избежав дополнительных ударов ногами. Откатившись, он вскочил на ноги.

– Время!

У его напарника дела обстояли куда как худо. Когда Онищенко с ходу достал ногой до физиономии старшины, многие даже прыгать перестали – до того десанникам стало интересно.

– Сейчас здесь будет море крови. Каширин с ним разделается по полной программе, – ухмыльнулся бритый наголо татарин Хабибуллин.

Хабибуллин уже имел печальный опыт столкновения с кулаками Каширина. И его прогноз стал оправдываться немедленно. Переходя в наступление, сначала Каширин заехал Онищенко справа кулаком в челюсть. Тот схватился за скулу и что-то крикнул. Догадаться было несложно – по лицу рукой бить нельзя.

Старшина и бровью не повел. Через несколько секунд он снова ударил в голову Сереги.

– Гляди, что делает, сволочь, – сказал Хабибуллин, – ему бы так кто-нибудь въехал – я бы на него посмотрел.

Каширин специально бил на поражение. Мало ему было того, что он соревновался с заведомо более слабым соперником, что он был тяжелее килограммов на тридцать и выше на голову. Ему нужно было подавить противника, сломать его.

– Хватит, Каширин! – Локис пытался оттянуть вконец озверевшего старшину.

– Чтобы служба медом не казалась, надо ввалить... – сквозь зубы процедил Каширин. – Пускай почувствует, что такое десантура.

Очередной удар снова сбил Онищенко с ног. Далее последовал сильнейший удар ногой. Да, выстоять «молодому» против этой машины было невозможно.

– Ты что ж делаешь, идиот? – схватил Локис старшину за плечо. – У тебя спарринг или смертоубийство?

– Иди отсюда, – огрызнулся тот.

– Совсем голова не работает? – не успокаивался сержант.

– Я свое оттянул, – поучительно сказал Каширин, – и перенес всего столько, что ему и не снилось. А он что, филонить будет?

– Ты же убьешь его!

– Выживет, – выдохнул старшина, – а хлопвики нам не нужны.

Смертельно вымотанный после всего сержант некоторое время сдерживал себя, глядя на настоящее избиение товарища. Здесь уже не пахло ни честной борьбой, ни вообще спаррингом. Последние попытки сопротивления Онищенко были сломлены.

– Отойди, я сказал! – заорал сержант.

Но это было бесполезно. Каширин, казалось, не слышал ничего. Противник сжался в комок, получая удары.

– Ну, погоди, скотина! – Видя, что старшина окончательно потерял над собой контроль и дело может закончиться тяжелыми увечьями, Локис применил единственно возможное средство.

Сильнейший неожиданный удар правой наотмашь вырубил Каширина. Словно подкошенный, он тяжело рухнул на землю, распластавшись в форме морской звезды.

– Вот так-то будет лучше, – проворчал сержант, вытирая кровь с разбитой губы. – Чем больше шкаф, тем громче падает...

– Не ожидал, – пожал ему руку Хабибуллин, – неплохо ты этого гоблина приложил.

– Подымайся. – Локис подал руку поверженному Онищенко. – На сегодня испытания закончены.

Но, как оказалось, это было не совсем так. «Воспитательная» сцена, как это бывает в таких случаях, не осталась незамеченной. За спаррингом наблюдали офицеры.

– Это что ж такое? – озадаченно спросил подполковник из штаба своего коллегу.

– Полный беспредел, – лаконично произнес тот. – Ну, я им устрою!

Его тучная комплекция наглядно демонстрировала, что документы и бумаги целиком и полностью заменили офицеру боевые, да и учебные будни. Однако это не помешало майору быстрым шагом направиться туда, где этот самый «беспредел» происходил.

* * *

– Входите, голуби, – голосом, не предвещавшим ничего хорошего, произнес командир части полковник Каменев.

Все трое – Каширин, Локис и Онищенко – стояли в кабинете командира части. Сержант, войдя последним, закрыл за собой дверь.

– Ничего не хотите мне рассказать? – вкрадчивым тоном поинтересовался Каменев.

Троица молчала. Нет, конечно, у каждого из них было что сказать, но по разным причинам это не озвучивалось. Старшина немигающим взглядом уставился на командира, Онищенко опустил взор на ножки стола. Сержант негромко вздохнул, прекрасно понимая, что сейчас его мнение полковника не интересует. Неплохо зная Каменева, он уже был готов к тому, что вот-вот разразится буря.

– Так что, неужели ничего? – продолжал допрос хозяин кабинета. – Я-то рассчитывал, что у вас найдется, что мне сообщить.

– Никак нет, товарищ полковник, – не выдержал Онищенко.

– Ах, вот так, значит? Ну, тогда я вам кое-что скажу, – зловеще пообещал тот.

Было видно, что надвигается буря. Каменев откатился вместе с креслом от стола в сторону окна. Там открывалась стандартная панорама – перпендикулярная сеть асфальтированных дорожек, здания столовой, казармы и прочие соответствующие воинской части объекты.

– Ты где служишь, Локис, в части ВДВ или, может, ты терминатором решил заделаться? – перешел командир части в атаку. – Это что же происходит: вместо того чтобы успешно преодолевать полосу препятствий, ты решил устроить цирковой номер, или как это у тебя называется?

– Товарищ полковник, я ведь всего лишь за молодого заступился, – ответил сержант.

– А что же случилось? Ему что-то угрожало?

– Не что-то, а кто-то...

Старшина Каширин, пока его не просили, в разговор не вмешивался, но его сжатые зубы свидетельствовали о крайнем напряжении.

– Товарищ полковник, Локис ни в чем не виноват, – попробовал вклиниться в разговор Онищенко. – Он...

– А ты помолчи, пока разговор не с тобой идет! – рявкнул Каменев. – Ишь, адвокат выискался. О тебе вообще разговор особый. Выполнял бы ты нормативы, то и проблемы не было бы! А ты, старшина, язык проглотил? – избрал Каменев следующим объектом Каширина. – Или у тебя мозги совсем уже отбиты?

Полковник встал с кресла и, пройдя от одной стены к другой, приблизился к бойцам. С минуту он молча переводил взгляд на каждого из них поочередно. Дальнейшая его тирада отличалась еще большей экспрессивностью. В ней поминались и сами участники происшествия, и их ближайшие родственники, и много всего прочего. В отличие от Локиса и Онищенко, которые пытались как-то оправдываться, старшина занял глухую позицию, отмалчиваясь и, похоже, затаив злобу.

Распекание десантников прервал телефонный звонок.

– Слушаю, – с видимым неудовольствием произнес Каменев, – да, я... когда придут машины?

Как оказалось, разговор пошел о каких-то хозяйственных проблемах. Ненадолго оставленные бойцы получили возможность немного перевести дух.

Сержант невольно вспомнил свою собственную молодость, которая в точности походила на все то, что сейчас происходило с Онищенко. Да, по большому счету в армии все построено на обычной схеме, будь ты срочник или контрактник. И начальный период службы никогда легким не бывает. Сам Локис прошел через это, поэтому прекрасно знал все до мелочей.

Присмотревшись к Онищенко, он видел, что тот – пацан нормальный, и издевательства старшины, который давно лез на рожон, его окончательно вывели из себя. Каширин вообще считался притчей во языцех, и горе было тому «молодому», который оказывался в зоне его повышенного внимания.

Локис покосился на старшину. Тот внешне выглядел спокойным, но на его щеках ходили желваки, что говорило о том, что и у него на душе не полный штиль. Зная Каширина, сержант прекрасно себе представлял, что тот еще вспомнит все это, причем по полной программе.

После завершения разговора, немного поостыв, Каменев вернулся к прерванной теме.

– В общем, я не желаю слушать весь этот бред. Один не может выполнить задачу, у другого крышу сносит и так далее. Кто из вас виноват – разбираться я не собираюсь. Ясно одно – своими действиями вы все трое просто позорите часть.

На этот раз полковник, несмотря на столь серьезные высказывания, говорил уже несколько спокойнее, во всяком случае, его физиономия не была такой багровой, как еще совсем недавно.

– Моя бы воля, соколики, я бы вас всех троих разобрал по косточкам, вы бы у меня сортиры чистили, как духи-первогодки, – с легким сожалением говорил Каменев.

Локис, слушая столь внушительные обещания, понимал, что из-за немалого количества «бы» на уме у полковника что-то другое. И он не ошибся.

– ...да только что пришли документы: вся троица в числе прочих миротворцев направляется в Карабах. Моя бы воля, вас бы там не увидели никогда, но... ладно. Так что собирайтесь и готовьтесь к почетной миссии.

Сержант взыграл духом. Вот уж такого развития событий он точно не ожидал! После того, что они поначалу слышали от Каменева, можно было настраиваться на самые печальные перспективы. Да, начало разговора не сулило ничего хорошего – и тут такое развитие событий.

Эта командировка отнюдь не являлась наказанием или почетной ссылкой. Совсем нет – по иронии судьбы всем троим крупно повезло, они уходили от всякого наказания да еще и получали возможность попасть туда, куда обычно рвутся военные – и денег побольше, и выслуга идет.

Все очень просто – из тех, кто побывал в шкуре миротворца, никто особо не жалуется награничную жизнь. Наоборот, туда стремятся попасть еще хотя бы разок, поскольку игра стоит свеч. Служба в миротворческом контингенте, как и всякая воинская служба, – конечно, не мед. Но, в отличие от исполнения похожих обязанностей на родине, интереснее и лучше оплачиваемая, что и является самым решающим фактором.

Зарплата, или, как принято говорить у военных, ежемесячное денежное содержание, здесь начинается с довольно круглой суммы. Кроме этого – бесплатное и разнообразное питание. Обеспечение обмундированием, вооружением, боезапасом, лекарствами для миротворца тоже не стоит ни копейки. Так что удача, похоже, сама шла в руки.

То, что не озвучил полковник, выглядело следующим образом. Документы уже были оформлены, и командир части даже при желании не мог ничего изменить. Иначе пришлось бы давать официальный ход инциденту, а это – искать приключения на свою же голову. Тем более что документы на всю троицу он сам и подавал...

– Какова наша задача, товарищ полковник? – поинтересовался старшина.

– Очень проста. Цель миротворцев, как и во всех подобных операциях, – разводить противоборствующие стороны по разные стороны, никому из них не демонстрируя симпатий, – произнес Каменев. – И очень надеюсь на то, что там вы проявите себя по назначению.

При слове «разводить» Онищенко едва удержался, чтобы не расплыться в улыбке, но, вспомнив о том, чего он так удачно избежал, сохранил серьезный вид.

– Но вы не думайте, что отбываете на курорт. Такая роскошь вам не представится. Следует помнить, что вас оправляют за границу не военным туризмом заниматься, а превращаться в живую разделительную стену между бьющимися насмерть народами. Да-да, мои нарушители. Там стреляют и подрывают начиненные взрывчаткой автомобили. Поэтому надлежит всегда следовать инструкциям и рекомендациям. К примеру, если выехал в рейс на патрулирование и, изрядно напарившись, снял бронежилет – твое горе. В случае такого ранения никто не оплатит тебе многотысячную страховку – нарушил инструкцию. Конечно, жаль человека, но юридически не подкопаешься...

Он прошелся по кабинету, остановился у окна.

– Основная задача миротворческой операции – это предотвращение возобновления насилия и поддержка миротворческих процессов. Обычно при так называемом замороженном конфликте вероятность прямых столкновений между враждующими сторонами очень низкая, но отдельные столкновения и боевые действия могут наблюдаться. Иногда задача миротворцев развести враждующие стороны, – пояснял Каменев, – в таких случаях миротворцы напрямую вынуждены участвовать в военном противостоянии. Военнослужащие следят за соблюдением договоренности о прекращении огня и создании зон разъединения и буферных зон.

Полковник кашлянул, критически глядя на десантников.

– Впрочем, все узнаете подробнее в свое время. А пока – кру-гом! Шагом марш!

Со вздохом облегчения десантники подались к выходу.

– Чудеса, да и только, – прошептал в спину Локису Онищенко.

Глава 5

Несмотря на чудовищные разрушения времен войны, в Агдаме уничтожено, естественно, было не все. В том числе и пострадавший тогда дом Авакяна в скором времени восстановили. Он являл собой скорее дворец. Внешне все выглядело довольно скромно, но вот если оказаться во дворе, за высокой стеной – впечатление менялось кардинально. За домом был разбит прекрасный сад, деревья с густой кроной давали прохладу во время дневного зноя. Большой фонтан освежал воздух, благоухали пышные розы. В жаркий полдень было особенно приятно отдыхать здесь, на открытой террасе. В доме все также было исполнено на высшем уровне – Тигран не мог позволить себе жить иначе.

На широкой террасе стоял большой стол, уставленный закуской и выпивкой. За ним восседали сам хозяин и Хачатрян. Компанию им составлял гость – представитель армянской диаспоры. Гостя звали Левон Казарян – преуспевающий московский бизнесмен. Сам Казарян происходил из этих мест, но большая часть его сознательной жизни протекала вдалеке от родины. Его неумной энергии было тесно на Кавказе. Левону требовались совсем другие высоты, и он нашел их – в Москве. Однако родные места Казарян не забывал и, являясь уже гражданином России, помогал Агдаму – исключительно из патриотических соображений. Кроме этого, один из многочисленных международных армянских фондов тоже направлял финансовые потоки через господина Казаряна. Так что ценность уроженца здешних мест было просто невозможно переоценить.

Застолье было в полном разгаре, прерываясь лишь сменой блюд и цветистыми кавказскими тостами.

– Ехал как-то Ашот из одного аула в другой, – хитро прищурившись, говорил хозяин, – дорога проходила среди гор, петляла между скал, вдоль утесов и пропастей. Вдруг ишак остановился – и ни с места. Ашот стал дергать его, понукать, а ишак стоит как вкопанный. Стал Ашот ругать его скверными словами, обзывать, стегать плетью. Но тот как стоял, так и остался стоять. А потом вдруг взял и сам пошел. И тогда увидел Ашот за поворотом огромный камень, который только что упал, и если бы ишак не остановился, то камень прибил бы его вместе с седоком. Обнял хозяин умное животное и поблагодарил. Так выпьем же за то, чтобы мы всегда прислушивались в споре к мнению другого человека, даже если он – ишак.

Все расхохотались.

– Я стараюсь прислушиваться! – шутливо поднял руки Казарян.

– Да, дорогой Левон, – кивнул хозяин дома, – а уж нам, армянам, да еще и землякам, сам бог велел жить в дружбе и понимании. Ведь если мы не будем одним народом, что останется от каждого из нас? Пыль! Сколько народов, не претерпевших и десятой доли того, что пришлось вынести армянам, бесследно сгинули – не перечсть. А мы живем и будем жить.

– А у меня тоже есть тост, – поднял бокал Хачатрян. – Была у одного торговца лавка, и продавал он мед...

Произнеся длинный и «закрученный» тост, он обвел Авакяна и гостя взглядом:

– Я предлагаю выпить за то, чтобы ни одна капля никогда не смогла бы внести раздор в наши головы и лишит разума.

– Как вам этот коньяк, Левон? – спросил хозяин.

– Очень хорош, – кивнул гость, – превосходный напиток.

– «Двин», настоящий. Не та бурда, которую часто за него выдают...

Затем постепенно разговор перешел в более серьезное русло. Казарян недавно стал в полном смысле «жертвой боевых действий» – во время обстрела он был ранен. Ранение оказалось легким – чуть зацепило плечо, но нервы, конечно же, потрепало. Однако столь досадное происшествие не отвратило Левона от города.

– Да-а... – протянул хозяин дома, – такие дела... Это ж просто наказание какое-то, ни больше ни меньше. Повсюду люди живут по нормальным человеческим меркам, а у нас – нарочно не придумаешь!

Он развел руками, выражая крайнюю озабоченность положением дел.

– Ты это к чему? – поинтересовался Казарян.

– Да я о том, что люди – они ведь, как известно, ищут, где лучше...

– Знаю-знаю, а рыба – где глубже, – ухмыльнулся собеседник.

– Сами видите, дорогой Левон, что агдамцам надо создать условия. Условия, где они бы чувствовали себя на месте, дома в полном смысле этого слова, – вкрадчиво говорил Авакян. – Кому интересно перебиваться с хлеба на воду? А иначе население просто свалит отсюда.

– Думаешь? – Казарян поддел вилкой сочный кусок мяса и отправил в рот.

– А что тут думать? – пожал плечами хозяин. – Люди уже разъезжаются кто куда. Кто в Москве, кто в Ереване, а кто и дальше подался. Есть-то всем хочется. Работы нет, нищета... а тут, понимаешь, еще и стреляют!

Тигран глубоко вздохнул, ероша пальцами волосы.

– А ведь какой был город! Пятиэтажные дома! Сейчас от них в центре остались максимум двухэтажные руины.

– Вот, кстати, странно, почему так произошло? – поинтересовался Казарян. – Ведь это случилось уже после войны.

– Разрушенное, поврежденное в войну разбирали на камни, которые самосвалами вывозили в Степанакерт или на постройку других армянских поселков. Будущее Агдама так ведь никто и не обозначил...

Тигран скромно не упомянул о том, что сотни грузовиков со стройматериалами шли из Агдама по его инициативе. О сумме, заработанной им на «очистке» родного города, среди знающих механизм агдамцев ходили легенды. Впрочем, Авакян никогда не был сентиментальным человеком. С раннего детства маленький Тигран понимал, что жалеть нужно прежде всего именно себя и думать о себе, иначе можно остаться «в пролете». С годами он только укрепился в этом мнении. А то, что кто-то говорит о нем за спиной, – ерунда, и ничего более.

– Я даже не могу теперь агдамцев назвать в полном смысле этого слова горожанами, – прозвучали его слова, – раньше это было так, но сейчас все изменилось. Они живут, нет – проживают...

– Ты не темни, – нетерпеливо сверкнул глазами Казарян, – давай конкретней. Я что, мало для Агдама делаю?

– Нет-нет, что вы, дорогой Левон! – с чувством глубокого восхищения прижал ладонь к сердцу Авакян. – Вы же знаете, как я уважаю вас. Да что я – все в Агдаме знают, что вы делаете для всех нас.

Когда хозяин перешел к более точным данным, то речь пошла о том, что помимо всего прочего во время обстрела неслабо пострадал местный винный завод, куда бизнесмен вложился.

Когда несколько лет тому назад Казарян задумал снова задействовать производство, то он преследовал две цели. Первая – это, конечно, заработать самому. А вторая – дать работу агдамцам. Ведь в городе сейчас в этом смысле особо широкого выбора не имелось.

– А мне, Левон, вспомнился день освобождения Агдама. Тогда бойцам было лень доставать вино, – наклонился над столом хозяин. – Вас тогда здесь не было, а я видел, что происходило. Так вот, представьте себе: они просто стреляли в чаны с портвейном, набирали фляжку с собой, и дальше, вперед, освобождать армянские земли. Улицы Агдама буквально были в реках портвейна. Вот и сейчас сразу после обстрела было почти так.

Левон тяжело вздохнул.

– Конечно, весьма неприятный инцидент, – он постучал пальцами по столу, – но что ж поделаешь. Будем восстанавливать.

– ...плюс только что отстроенный жилой фонд, – продолжал перечисление убытков Авакян. – Обидно: ведь буквально какой-то месяц тому назад на двух объектах были завершены работы, и вот – на тебе! Люди работали, старались. Стоит ли говорить о том, сколько было затрачено всего в прямом и переносном смысле. Ведь казалось, что война, ну, во всяком случае, ее самая активная часть, уже не повторится. Не тут-то было.

– А что там с домами?

– Так я же и говорю, – взглянул в какую-то бумагу Авакян, – два дома, где еще стекла пылью не успели покрыться после ремонта, и шесть других, которым досталось ничуть не меньше. Мне это вообще напоминает стихию – бурю, налетающую и разрушающую все, к чему ни прикоснется. Главное, что от тебя тут ничего не зависит!

Хачатрян налил в высокий бокал вино и медленно потягивал напиток, причмокивая губами. Откинувшись на спинку кресла, он кивал головой, молча соглашаясь со всем тем, что озвучивал Авакян.

Маленькие глазки хозяина дома бегали по сторонам, не останавливаясь ни на одном объекте, а его скорбным вздохам не было конца.

– А детдом? У меня же язык не поворачивается говорить об этих азербайджанских вырождаках. Ну, хорошо, решили вы обстрелять. Но как же можно – в детей?!

Казарян вздохнул, вспоминая то «представление», на котором ему тогда посчастливилось побывать. Как нарочно, усиливая впечатление, заныла оцарапанная рука.

– Так что, уважаемый Левон, как ни крути, но снова мы вынуждены просить у вас помощи, – подвел итоги своей информации Авакян. – Неприятно, конечно, выступать в роли просителя, но надеюсь, что вы поймете меня правильно...

– Ну, хорошо, – кивнул гость, – так ведь надо же все подсчитать, оценить убытки. Пока об этом всем говорить рано.

– Подсчитано! – не дал ему дальше развить тему Тигран. – Я тут уже с помощью своих людей посидел с расчетами, и картина в общем и целом ясна.

– Как – уже? – изумился тот.

– Горе оценивать всегда проще, чем счастье, – сыпал цветистыми выражениями хозяин. – Уж что-что, а с убытками, как ни печально, это именно так. Вот и смета готова.

Бизнесмен покачал головой, дивясь расторопности собеседника и принимая из рук Тиграна документы. Тот явно не привык терять время зря.

– Вот смотрите, уважаемый, – Авакян, словно пушинка, несмотря на свою солидную комплекцию, вскочил из-за стола и спустя мгновение оказался за спиной у Казаряна, – это – детдом, это жилфонд...

Хачатрян звякнул пустой бутылкой, придвинув к себе следующую.

– Я же не для себя стараюсь, – причмокнул языком Авакян, – все же для людей! Сам-то я, слава богу, не впроголодь живу, а вот Агдаму сейчас помощь нужна, как никогда! Сам по мере возможностей делаю что могу, но ведь мои усилия словно капля в море.

– Это точно, – подтвердил его помощник, – барахтаемся как можем, а от людей иногда и благодарности не дождешься. Иногда о самом себе такие байки услышишь, что хочется на все плюнуть.

– Ну, ничего, – сказал Авакян, – время все расставит по местам.

Он сыпал цифрами и фактами, вынуждая гостя рассеянно кивать в ответ на поток информации.

– погоди, не мельтеши, – остановил его бизнесмен, – дай-ка мне несколько минут спокойно почитать твою документацию.

– Хорошо, дорогой. Конечно, – быстро согласился тот, – вот, все здесь обозначено. Конечно, это еще не окончательный вариант, но в целом...

Вернувшись в свое кресло, Авакян наклонил узорчатый кувшин и, плеснув немного холодной воды, принялся пить ее маленькими глотками, не сводя глаз с углубившегося в поданные ему материалы Казаряна. Во дворе было тихо. Ветерок чуть шумел листьями дерева, а фонтан негромко струил воды, принося прохладу.

Хозяин улыбнулся. Фонтан он установил недавно, и пока что не мог на него насмотреться. Над ним работал известный архитектор, и работа вышла на славу. Сколько средств ушло на это, знал только сам Тигран, да и, пожалуй, его помощник.

– Ну, не знаю, Тигран, – наконец произнес Казарян, закончив просмотр «документации».

Его лицо выражало крайнее сомнение. Авакян, переглянувшись с Хачатряном, обеспокоенно вглядывался в глаза гостя. Такие высказывания вызывали у него настороженность.

– Исходя из того, что ты мне тут написал, проще новый завод в другом месте построить, чем старый восстанавливать, – хлопнул бумагами об стол Казарян. – Там что, такие сильные разрушения? Я уж поневоле начинаю сомневаться в целесообразности новых усилий.

– Разрушения... достаточные, – несколько смутился хозяин дома, – но все можно ликвидировать. А строить – где строить? Тут везде неразорвавшиеся бомбы, снаряды... Все заминировано! Нет-нет, только восстанавливать!

Похоже было, что сама идея перенесения завода на новое место потрясла Тиграна просто невероятно. Он с жаром принялся убеждать гостя.

– Все восстановим, все сделаем в лучшем виде! Только помочь надо.

Левон задумался. Человеком он был совсем не бедным, и деньги у него имелись, но сомнений уже было достаточно. Ведь и правда – невозможно бесконечно вливать деньги, если они «выливаются».

– А если... вновь обстрел? – вопросительно уставился он на Тиграна. – Я же деньги не рисую, и станка у меня нет.

– Ну, дорогой, только бог может сказать, что ждет нас завтра, – ухмыльнулся тот, – однако не думаю, что...

Вдруг внизу послышался возмущенный женский крик:

– Пусти меня! Что ты стал как истукан? Ишь, рожу наел!

Сидевшие за столом переглянулись.

– Я же сказал: туда нельзя, – донесся приглушенный голос охранника.

– Дай пройти!

Кто-то, несмотря на попытки задержать, пытался прорваться на террасу. Вслушавшись, Авакян узнал голос.

– Отойди отсюда! – перешел на крик и охранник.

– Что там такое? – сдвинул брови Казарян.

– Сейчас увидим. – И оба, вытянув шеи, с интересом посмотрели туда, где, похоже, разгорался серьезный конфликт.

Как оказалось, у входа «митинговала» Ануш Параджян – заведующая детдомом. Несмотря на препятствие в виде амбала, она самым решительным образом продолжала наступление.

– Мне нужен Тигран! – заявила женщина.

За ее спиной появился еще один бугай.

– Какие-то проблемы?

Хозяин дома поморщился, наблюдая эту нехоти создавшуюся сценку. В другой момент Тигран и говорить бы с ней не стал и эту нахалку вышвырнули бы за ворота. Но рядом с ним находился уважаемый человек, в его присутствии надо было демонстрировать любовь к

согражданам. Неверные шаги грозили потерей расположения Левона, а это привело бы к столь печальным последствиям, что и думать об этом не хотелось.

– Эй, пустите ее! – крикнул Тигран своим церберам. – Сейчас узнаем, в чем дело.

Он, словно извиняясь, развел руками, обращаясь к бизнесмену:

– Увлеклись ребята. Что тут скажешь. Дело свое они знают хорошо, но вот интеллекта иногда не хватает.

– А зачем им интеллект? – хихикнул Хачатрян. – В их обязанности это не входит. Если они начнут думать, то ни к чему полезному это не приведет.

По лестнице послышались шаги гости.

– Здравствуйте, уважаемая! – расплылся в приветливой улыбке Авакян, когда запыхавшаяся Ануш оказалась на террасе. – А мы думаем – кто это там шумит да буянит?

– Добрый день, – поздоровался и Казарян.

– К вам не пробиться, – кивнула женщина на надежную охрану, – и птица не пролетит.

– Ну что вы, какая птица? Ребята больше для порядка, – возразил Тигран. – Если бы я знал, что это будете вы, то...

Он поднялся из-за стола и предупредительно подвинул кресло:

– Прошу, уважаемая, садитесь с нами, отдавайте что бог послал. Вижу, что вы утомились, так что отдохните.

Судя по богатству того, что наблюдалось на скатерти, нетрудно было сделать вывод о том, что всевышний очень благоволит к хозяину, отдавая ему предпочтение перед большинством армян.

На Кавказе приглашать женщин к мужскому столу не принято, но Тигран против своих правил пошел и на это, желая выглядеть перед гостем европейцем, а не темным варваром.

«Чего не сделаешь ради гостя», – иронично подумал он.

– Да-да, присоединяйтесь к нам, – поддержал Авакяна гость, – разрешите мне поухаживать за вами. Что вам предложить?

– Нет, спасибо, я не голодна, – отрицательно покачала головой Параджанян. – Не хочу отнимать ваше время, но я по делу.

– Так что же случилось? – с интересом воззрились на нее оба.

– Тут такое дело... даже не знаю, что и сказать, – Ануш выглядела крайне расстроенной, – Роберт пропал.

– Какой Роберт? – недоуменно прищурился Авакян.

– Мальчик, тот самый, которого вы видели на нашем выступлении.

– Это тот, который играл грушу? – вспомнил Казарян.

– Именно, – подтвердила Параджанян. – Вечером, после того как все более-менее успокоилось, он бесследно исчез, и мы просто в панике. Я опросила всех детей, так вот, несколько из них сообщили, что видели его идущего в горы. Причем непонятно, что ему там делать. А вы представляете, что такое горы для ребенка, особенно сейчас? Мне просто плохо становится, когда я начинаю думать обо всем этом. А не думать не могу...

Она с надеждой глядела на мужчин.

– Ну что ж, – хлопнул ладонью по столу Тигран, – раз такое дело, то начинаем поиски.

– Да где же искать-то? Я бы и сама отправилась за ним, но только куда? – беспомощно вздохнула заведующая. – Это называется «пойди туда, не знаю куда».

– Ничего, найдем, – твердо произнес Авакян, – вот сейчас Сурен этим и займется. Слышишь, Сурен? Оповестишь милицию и наших федаинов.

Слово «федаин» переводится как «защитник» – так в Арцахе нередко называют бойцов-ополченцев. К слову, с ополченцами из армии прежнего иракского руководителя Саддама Хусейна, которые назывались таким же термином, армянские федаины ничего общего не имеют...

– Сделаем, – кивнул Хачатрян.

Он зевнул, думая о том, как некстати появилась эта Параджянян. В такое время, когда так приятно сидеть здесь, на террасе, оплетенной виноградом, и попивать отличное вино. Но ничего не поделаешь – приходилось двигаться «в указанном направлении».

– Я подниму всех, – Авакян выглядел, словно воплощение справедливости и благородства, – наши дети без внимания не останутся!

Но у гости имелись иные мысли по этому поводу. Давнее знакомство с Тиграном навредило ее на критический взгляд.

– Это ты сейчас такой добрый, потому что уважаемый гость за столом, – вздохнула она.

Хозяин побагровел, но сдержался. Последнее стоило ему, правда, немалых усилий.

«Вот сучка! – Он сжал кулаки, сохраняя, однако, мину приветливости и участия. – Это правда – если бы не этот денежный мешок, то и духу твоего здесь бы не было».

– Ну, зачем ты так, Ануш, – с мягкой укоризной вслух произнес он. – Я ведь на самом деле приложу все усилия, чтобы найти пацана.

– Может, моя помощь потребуется? – спросил Левон.

Слушая это, он тоже захотел принять посильное участие в поисках мальчика.

– Ну, что вы, дорогой, – развел руками хозяин, – мы и так вас загружаем своими просьбами. Здесь уж должны действовать те, кто к горам имеет куда большее отношение, чем мы с вами. Организуем поиски, отыщем беглеца. Никуда он от нас не денется. Хуже будет, если в дело вмешались «соседи». Вот тогда уж не все от нас будет зависеть.

– И когда же это все закончится? – вполголоса, словно про себя, произнесла Ануш. – Ведь ни я, никто другой из моих соседей не желает никакой войны, никакой крови. Почему все это продолжается? Сколько еще мы будем страдать? Дети, старики, женщины – они-то в чем виноваты? Мы все хотим жить мирно...

– Все хотят жить мирно... – протянул Тигран, но Параджянян словно бы и не слышала его.

– Зачем воспитывать детей, если они могут в любой момент погибнуть от пули, мины или подорваться на горной дороге?

– М-да, – сочувственно вздохнул Казарян, – это все, конечно, печально. Однако будем надеяться на то, что в ближайшее время Роберт отыщется. Да и не дурак же он, чтобы просто так убегать куда глаза глядят. Я ведь его помню – очень талантливый подросток. Тогда, на сцене, он всем запомнился.

– Найдем! – заверил Авакян. – Я постараюсь.

– У меня брат Гурген – федаин, – медленно проронила Ануш. – Попрошу, чтобы осмотрел горы. Вдруг ему повезет, и он отыщет, где Роберт может прятаться...

Глава 6

– Таким образом, товарищи бойцы, именно здесь мы с вами и будем базироваться некоторое время, – произнес капитан Огольцов, глядя на стоявших перед ним десантников.

– Не очень-то роскошные апартаменты, – критически заметил старший лейтенант Баринов, – помнится, у нас были и лучшие варианты.

Старлей всем был известен как редкий чистюля, всегда выглядевший, как на параде. Так что оказаться в такой дыре ему явно не доставляло удовольствия.

– Насчет апартаментов, Баринов, это ты верно заметил: не царские палаты, – хмыкнул капитан, – так ведь и мы сюда не на бал приехали.

– Нет, правда, товарищ капитан, могли бы нам что-то попримечнее организовать, – заметил Шмаков. – Мы ведь все-таки миротворцы, прибыли сюда для наведения порядка. Могли бы к нам отнестись получше.

– Эх, Шмаков, – вздохнул Огольцов, – слушаю я тебя и удивляюсь. Может сложится впечатление, что передо мной не десантники, а какая-то штатская компания. Регион живет в состоянии тлеющего конфликта, а вы тут рассуждаете о комфорте. Комфорт мы будем создавать сами. Вот тебе, старлей, я это и поручаю.

Баринов заметно поскущел и тяжело вздохнул, понимая, что от судьбы не уйдешь.

Место дислокации российских миротворцев находилось почти у самой разделительной линии, на азербайджанской стороне. Рядом расположился поселок, а чуть дальше – Агдам. Но для десантников граница не имела никакого значения – согласно своим задачам, они должны были контролировать обе стороны.

– Теперь несколько слов по поводу ситуации, в которой мы с вами, так сказать, принимаем участие, – перешел Огольцов к главной теме. – Карабах, или, как его часто называют армяне, Арцах, издавна был спорной территорией и ареной ожесточенных столкновений между двумя народами. В советское время его включили в состав Азербайджана в качестве автономии. В конце восьмидесятых здесь начались волнения, а с распадом СССР в Карабахе была провозглашена Армянская Республика.

– А как же Азербайджан? – поинтересовался рядовой Сачихин. – Они-то что по этому поводу думали?

– Там были, понятно, против. И пошло-поехало... Последовавшая затем война привела к огромному числу жертв и беженцев с обеих сторон. Массовое насилие, этнические чистки... Война закончилась поражением Азербайджана. В настоящее время под контролем вооруженных формирований НКР находится большая часть бывшей автономии и прилегающие районы, – обрисовывал положение командир.

– Так кто же прав?

– Я вам скажу так: кто здесь прав, кто виноват – разобрать невозможно, как ни старайся. Чей Карабах – то же самое. Здесь веками жили и армяне, и азербайджанцы. А сегодня каждая из сторон доказывает, что эта земля принадлежит именно его народу.

Капитан немного рассказал и о том, как здесь все начиналось.

– На начальном этапе боевое оружие было здесь редкостью, а характер боевых действий сильно напоминал потасовку районного масштаба с применением подручных средств, – невесело усмехнулся он. – До тех пор пока большая кровь еще не пролилась, а юмор на военную тему еще не выглядел слишком черным, в походных штабах, разбросанных по «тлеющему» Кавказу, карабахский конфликт называли битвой пастухов с животноводами.

– Даже так? – ухмыльнулся Левченко.

– Именно, – кивнул Огольцов, – ирония генералов и политиков присутствовала даже тогда, когда противоборствующие стороны пересели в танки и самолеты, а вместо градобоек

заговорила фронтовая артиллерия. Военных складов и боевой техники в регионе оказалось предостаточно. Правда, в Москве тогда еще надеялись, что «военспецам из народа» ни за что не удастся освоить доставшуюся им при разделе советского имущества современную боевую технику. Но надежды развеялись как дым, когда так называемая карабахская война пошла по всем правилам военного искусства.

Десантники внимательно слушали капитана.

– Наша с вами непосредственная задача заключается в следующем: нам придется вертолет, с помощью которого мы «вахтовым методом» должны облетать как армянские, так и азербайджанские позиции. – Капитан сделал паузу и многозначительным взглядом окинул подчиненных. – При малейших признаках конфликта мы приземляемся, чтобы хотя бы временно развести противоборствующие стороны.

Огольцов озвучивал стандартную тактику действий миротворцев в такой ситуации. Российские военнослужащие не первый раз участвовали в таких действиях. К примеру, виртуальное наблюдение с вертолетов коллеги наших десантников не так давно «проходили» в еще одной горячей точке – Эритрее.

– В конфликт ни в коем случае не вмешиваться, – говорил он, – это важно запомнить, как дважды два.

– А если... – начал кто-то.

– Никаких если! – решительно заявил Огольцов. – В случае эскалации конфликта сообщать в миротворческий штаб и попытаться примирить оппонентов любыми средствами до появления основных сил.

– Это понятно, но ведь всякое может случиться... – Сержант Щетинкин упорно пытался предусмотреть все возможные варианты.

– Мы сюда для того и прибыли, чтобы ничего такого не случилось, – отрезал офицер.

– Товарищ капитан, а вот «Агдам» – это вроде вино такое было, да? – поинтересовался Онищенко, переведя разговор на другие рельсы. – Его что, по соседству изготавливали?

– Совершенно верно, – усмехнулся Огольцов, – в советские времена город Агдам входил в состав Азербайджана. Отсюда и название вина азербайджанского (тогда) производства портвейнового типа. В семидесятых-восемидесятых было широко распространено, но я бы вам его не порекомендовал и тогда. Отличалось оно настолько чудовищной сивушностью, что его пили только люди уж совсем отчаявшиеся. Ну а теперь, как видите, Агдам контролируется армянами.

– Вопросов нет, – кивнул Онищенко.

Далее предстояло заняться уже непосредственно хозяйственными вопросами. Перед тем как приступить к контролю приграничных территорий, десанникам предстояло навести порядок на своей теперешней базе. Каждому бойцу офицерами была определена соответствующая задача, и работы по приведению казармы в божекий вид начались.

– Да-а, ребята, поработать нам тут придется немало, – вздохнул Локис.

Казарма, отведенная десанникам, выглядела и правда далеко не лучшим образом. Нет, крыша над головой имелась, стекла – тоже, но вот запустение здесь было еще то.

– Ничего, – заключил старлей, – не будем расслаживаться.

Работа закипела. Один отправился за краской, второй – за метлой и прочими соответствующими такому случаю причиндалами. Захламленное помещение постепенно освобождалось от всего лишнего, от мусора, грязи и пыли.

– Не спи, ребята! – покрикивал Локис. – Надо показать, что у российских десантников все на уровне.

– Сам быстрее шевелись! – в такт ему отвечали остальные.

Обосновались миротворцы в заброшенных казармах советской еще армии. Рядом находились необходимые для выполнения задач топливозаправщик и импровизированная вертолетная площадка.

В перерыве Баринов немного рассказал о своем опыте миротворца.

– ...несколько человек из нас должны были отправиться в Европу для ознакомления с системой подготовки и методами работы немецких спецподразделений, – говорил он, затягиваясь сигаретой. – Что сам попаду в состав этой делегации, я даже и не предполагал.

– И как оно все началось? – Любопытному Онищенко всегда было интересно узнать что-то новое.

– Да на первом этапе довольно спокойно. С началом второй недели приступили непосредственно к проведению занятий. Нас увезли в другой город, учебный центр. Там кроме дневных и ночных занятий тоже проводилось тестирование.

– Это как, товарищ старший лейтенант?

– Вот уже на этих тестах немцы смотрели, что мы из себя представляем – как профессионалы. Ну, например, поднимают среди ночи, грузят в фургон с зашторенными окнами, куда-то везут в полной темноте довольно продолжительное время. Высаживают по двое около какого-то непонятного здания, подводят к лазу, внутрь которого уходит веревка. Дают команду: «Вперед!» И надо, держась за эту «нить Ариадны», двигаться. Рассмотреть там что-либо невозможно, тьма – хоть глаз выколи. Где в полный рост перемещаешься, где согнувшись, а где и ползком. Да... Пространство вокруг то расширяется, то сужается так, что с трудом протискаешься. И сколько двигаться – тоже неизвестно.

К ним подошел Щетинкин, присел рядом и слушал разговор.

– Когда появлялись с другой стороны лаза, опять сажали в фургон, увозили километров за двадцать, высаживали, давали карту с маршрутом, по которому следовало пройти через лес и преодолеть вброд водную преграду, – вспоминал Баринов. – Какое-то болото. Брод у них там фонариками обозначался.

– А зачем? – поинтересовался Зубов.

– Все просто – чтобы никто случайно не утонул. Кроме этого проводились тестовые занятия по физической подготовке. Причем они были совмещены с огневой. Запускали на многокилометровый марш-бросок, который сопровождался различными вводными: отжимания, переползания, кувырки, друг друга на спине таскали, друг через друга прыгали.

– Как у нас, значит? – понимающе кивнул Онищенко.

– Что-то общее есть, но по-своему, – пояснял Баринов. – Бежали мы без оружия, но после кросса сразу выходили на огневой рубеж и стреляли из пистолета. Немцы объясняли, что это самая лучшая проверка истинных навыков стрельбы: как отстреляешься на фоне физической усталости, так оно и есть на самом деле.

– Оно и понятно... А много стреляли, товарищ старший лейтенант?

– Да, хватало. Два раза в неделю «чистые» стрелковые занятия в тире и на стрельбище, где стреляли из всего – револьверов, пистолетов, автоматического оружия, снайперских винтовок.

– А по оружию?

– В целом оружие у них неплохое. Пистолеты выше всяких похвал, особенно «беретта». «Глок» неплох, револьверы некоторые. Снайперская винтовка «F-1», из которой мы стреляли, дает хорошую кучность, проста в устройстве и обращении. А вот автоматы их подводят. Вышли выполнять упражнение из «Аука». Двое отстрелялись – и автомат заклинило, – кашлянул Баринов. – Принесли другой – он осечки часто дает. В общем, если говорить об автоматах, то лучше нашего «калаша» в мире до сих пор ничего не придумано.

– Это точно! – с энтузиазмом поддержал его Каширин. – С акаэмом ничего не сравнится.

Поговорили и о «международных» различиях, увиденных Бариновым.

– И с немецким, и с американским спецназом я сталкивался, когда служил в Косове, – сказал старлей. – Интересные люди – очень неплохо подготовлены в определенных вопросах. Просто у нас с ними абсолютно разная психология и система работы. Вот вам характерный пример, опять же из Косова. На минном поле взорвался американский «Хаммер». В нем находился экипаж – два солдата. Один из них выбрался и прибежал к нам, на блокпост. Три наших офицера прыгнули в БТР и примчались на помощь. Перевернули машину и увидели внутри умирающего бойца с разбитой головой. Спасти его, увы, не удалось. В итоге того парня, что оставил друга, американское правительство все равно наградило.

– Ни хрена себе! – изумились десантники. – Это за что же?!

– Да вот так. Потому что там солдат – достояние нации. И, спасая свою жизнь, он спасал достояние нации. В России психология, сами знаете: погибай, но товарища выручай. И не важно, что там минное поле. Поэтому тот, кто бросил сослуживца, в лучшем случае получил бы удар в челюсть. Опять повторяю: у нас разная система работы. В американском спецназе, пока не произойдет аэрофотосъемка местности, пока не пройдут самолеты и не пролетят вертолеты, солдат никогда не пойдет выполнять задачу: он действует при обеспечении максимальной поддержки. У нас же наоборот – человек учится выживать и работать в любых условиях и обстоятельствах. Ладно, поговорили, – взглянул на часы Баринов, – пора и за работу.

Бойцы разбрелись по рабочим местам.

* * *

В перерыве между хозяйственными работами под контролем капитана Огольцова несколько десантников «прошвырнулись по окрестностям». Нужно было прикупить кое-чего, да и вообще ознакомиться с районом своих действий. Миротворцы, в соответствии со своим статусом, пересекали разделительную линию, побывали на обеих сторонах.

Агдам впечатлил миротворцев больше всего.

– Печальное зрелище, – обозревая следы войны, сказал Левченко, – такое ощущение, что в городе взорвалась атомная бомба. Еще одна Хиросима или это... как его...

– Нагасаки, – подсказал кто-то.

– А мне напоминает Сталинград времен Великой Отечественной, – заключил, оглядываясь, Локис, – вот точно на кадрах военной хроники.

– Оно и понятно, особенно если учитывать то, какими средствами велись военные действия, – развел руками Огольцов. – Здесь с обеих сторон использовалась тяжелая артиллерия, САУ, танки и установки «Град». То же самое можно сказать и про Физули, Шушу, Ходжалы и сотни других населенных пунктов.

– Seriously выясняли отношения братские народы, – пошутил Локис, – с размахом.

Единственным более-менее уцелевшим зданием центра была мечеть с примыкающим к нему кладбищем. Некогда цветущий, красивый город превратился в руины в полном смысле этого слова.

– Жизнь переместилась на окраины, – прокомментировал Огольцов, – вот там уже все восстановлено. Ну, вы уже сами видели. Во-первых, во время войны они и пострадали меньше, а во-вторых, люди здесь жили и потом, в отличие от центра.

– Я смотрю, очень много здесь неразорвавшихся снарядов и брошенной бронетехники, – заметил Локис, глядя на ржавые скелеты танков, машин и бронетранспортеров.

– Это что! Часть города до сих пор заминирована. Вот там, видите? До недавнего обстрела уже работал частично восстановленный винзавод, и он уже давал первые декалитры портвейна, – показал капитан в сторону производства. – Того самого знаменитого «Агдама».

– Товарищ капитан, а чем тут народ в основном занимается? – спросил Онищенко.

– Основное занятие местных – виноградарство, садоводство, а также продажа кирпичей, труб и сантехники «секонд-хенд» из разрушенных зданий.

– И что – выгодное дельце?

– Есть захочешь – еще и не тем займешься...

Естественно, миротворцы в городе не остались без внимания. Традиционно российские военные вызывали у армян положительные чувства. Вот и сейчас десантники встретили радушный прием. Их угощали лавашом, вином, сыром. Кое с кем удалось познакомиться. Люди вспоминали войну, говорили о сегодняшнем.

– Почему жив остался? Скольких сам убил? Не помню, не считал, – говорил пригласивший их «всего на пять минут» в свой уютный дворик Карен Тамракян. – Только один раз руки на себя хотел наложить. Из соседнего окопа встал парень – на меня «калаш» навел. Выстрелил я первым. Мелькнуло в голове – что-то рожа знакомая. Вечером, когда покойников подсчитывали, понял – товарищ детства это, Муса. На каникулах вместе отдыхали, с одного дерева рвали шелковицу... Выходит, я лучшего друга убил. Но если бы не я его, то он бы меня? И только потому, что я армянин, а он – азербайджанец?

– М-да, – неопределенно произнес Локис, – выбор, конечно, небольшой.

– И вот бывает же, направили меня на новый блокпост, – продолжал Карен, – напротив азербайджанцы стояли. И у них командир – брат Мусы. Тут уж я решил – пойти, повиниться. Пусть убьет, думаю, заслужил. Сказал ему: «Виноват я, Рашид, погубил Мусу». А он просто ответил, и очень правильно: «Ну так что же – война, брат». Ненавижу я войну.

– А вообще, народ в Арцахе воевать умеет, – вставил его сосед, – всегда так было. Еще в царской армии нашим всегда оказывали особое уважение – ведь отсюда вышло много генералов.

– Неужели? – переспросил Локис. – Так уж и много?

– Правду говорю! Даже знаменитых маршалов трое, – загибал пальцы агдамец, – вот так!

– Хотя, конечно, были и смешные моменты, – вспоминал Карен, – знаменитый армянский юмор остается таким и на войне. Вот был у нас случай: на одном участке фронта с вертолета рассыпали муку...

– Зачем?!

– Стратегия, – хитро улыбнулся армянин, – противник подумал, что это химическое оружие, и отступил. Ну, представьте себе: разве можно вообразить, что это мука? На другом участке к ишаку привязали аккумулятор, присоединили автомобильные фары, засыпали в зад красного перца, и ночью ишак побежал на вражеские позиции. Азербайджанцы подумали, что это новое чудо-оружие, открыли обстрел. Так были выявлены огневые позиции.

– Ха-ха-ха! – рассмеялись миротворцы. – Изобретатели!

Разговаривая с людьми, десантники убеждались, что большинство из них желает мира. Возвращаясь назад, вблизи нейтральной полосы, уже на азербайджанской территории, десантники случайно познакомились с Аббасовым. С Локисом Фазиль быстро нашел общий язык. Как оказалось, в молодости азербайджанец служил срочную в родной для сержанта Балашихе. Это обстоятельство также немало способствовало симпатии к россиянам. Зная о задачах миротворцев, Фазиль «выдвинул свою кандидатуру».

– Ведь я же бывший участковый! – напомнил он. – Ребята, если вам кто-то может оказаться здесь полезным, так это именно я. Вам же без проводника не обойтись.

– Обойдемся, – проворчал Каширин, – лезут тут всякие...

К счастью, Фазиль не услышал этих пренебрежительных фраз.

– Мне ведь здесь каждый уголок известен как свои пять пальцев, – расписывал он свое знание местности.

– Так уж и каждый... – засомневался Зубов.

– Мамой клянусь! – гулко ударил себя кулаком в грудь азербайджанец. – И на этой, и на армянской стороне. Еще тогда стежки-дорожки изучил, а сейчас – и подавно. Хотя видите, как оно получается: раньше сторона-то была азербайджанской, и дом мой был там, а теперь...

– Ну, политики касаться не будем, – сказал Локис во избежание уже слышанных высказываний «и тех и других».

– Так ведь я ничего такого и не говорю, – вздохнул Аббасов, – но вы можете на меня рассчитывать.

– И сколько это будет стоить? – снова вклинился старшина.

– Хотите обидеть, да? – покачал головой Фазиль. – Думаете, если кавказец, то, значит, продажный, за копейку удавится? Слышал я такое, знаю.

– Да никто тебя и не думает обидеть, – попытался успокоить его Локис, инстинктивно чувствуя в нем хорошего человека, – мы поняли.

– Раз такое дело, то ваша помощь, уважаемый...

– Фазиль, – напомнил азербайджанец.

– ...уважаемый Фазиль, нам очень пригодится. Будем очень признательными, и будем сотрудничать, – обнадежил его Огольцов.

Он был рад, что им подвернулся полезный человек. Карта картой, а без знающего, толкового проводника действия миротворцев были бы здорово осложнены.

– Правда, я «там» уже давно не был, – продолжал Аббасов, – оно и понятно. Сейчас что азербайджанцу, что армянину оказаться на другой стороне чревато. Эх, вот если бы хоть из иллюминатора вертолета посмотреть на родной Агдам!

– Увидишь, – успокоил его Локис, – раз будем сотрудничать, то и увидишь, и побываешь.

Они распрощались, и Аббасов отправился восвояси, ведя рядом с собой ослика, нагруженного большой вязанкой хвороста.

– Вот видите, – глубокомысленно заключил Огольцов, глядя в спину уходившему азербайджанцу, – главное в таких случаях завязать хорошие отношения с местными. Если ты решишь эту проблему, то половина дела уже сделана. Ладно, ребята, я надеюсь, что за завтра работу вы закончите.

– Так точно, товарищ капитан, – ответил Локис.

Огольцов принялся разговаривать с кем-то по телефону, а бойцы покуривали, собравшись в кружок.

– Хороший человек, сразу видно, – произнес Онищенко.

– Это ты об азербайджанце? – уставился на него Зубов.

– Ну да...

– Чего? Хороший? – окрылся Каширин. – И ты поверил в эти его рассказы о помощи и прочую чушь?

– А что такое? – пожал плечами Локис. – Человек дело говорит. Сразу видно: ему вся эта катавасия и вражда осточертела по самое не могу. Вот он и готов помогать нам.

– Да он тебя продаст, как только ему это будет выгодно, – ухмыльнулся старшина. – Развесили уши!

Локис и Онищенко переглянулись. Каширин вызывал у них не самые приятные чувства и каждый раз открывался с новой стороны. К сожалению, пока ничего приятного из этих наблюдений не следовало.

Глава 7

На улице Агдама шумел народ. Несколько десятков вооруженных мужчин выглядели весьма решительно. Незнакомому с ситуацией человеку могло показаться, что речь идет о военной акции. Но на самом деле все объяснялось поисками пропавшего Роберта Карапетяна.

– Куда он мог уйти? – задал уже долго и многократно варьировавшийся вопрос один из поисковиков. – Надо же обозначить, хотя бы в общем, район поисков.

– Дети видели его на старой дороге. Вот туда и надо направляться. А дальше уже видно будет, – отвечал ему высокий здоровяк.

– Еще неизвестно, сам ли он туда пошел, – повысил голос наголо бритый агдамец. – Какого черта ему лезть в горы? Это ж не пятилетний пацан, должен понимать, что сейчас в горах не место для прогулок.

Агдамцы шумели. Версии высказывались самые разные. Среди толпы находился и брат заведующей детдомом – Гурген. Сестра уже успела поговорить с ним. Гурген знал Роберта, и его исчезновение взволновало феодинца.

– Для нас делом чести должно стать отыскание пацана, – заявил он, – я приложу все силы, чтобы вернуть Роберта.

В начале улицы показалась машина. Поисковики приумолкли и теперь пялились на подъезжавшее авто.

– Чей это, интересно, «Опель»? – поинтересовался кто-то.

– А ты что, разве не узнаешь? – ответил стоявший рядом агдамец. – Это же Сурен.

Мужчины, прервав на время дискуссии, уставились на подъезжавший автомобиль. Помощник Авакяна не заставил себя ждать. После того как машина, подняв клуб пыли, остановилась в каком-то полуметре от собравшихся, он выбрался из салона. Его глаза с хитрым прищуром глядели на разношерстную толпу.

– Ну что, митингуете? – обвел он взглядом горожан. – Ваши крики на другом конце города слышны. Можно подумать, война началась.

– Нечего тут митинговать, – ответил за всех Гурген Параджанян, – мальчика искать собрались.

– Какие идеи имеются? – У Хачатряна был вид человека, желавшего сказать что-то очень важное.

– В горы мальчишка ушел, чего тут сказать, – заявил седуосый ополченец. – Хотя люди разное говорят. В общем, версий много.

– В горы... – покрутив головой, ухмыльнулся Хачатрян. – Взрослые люди, а рассуждаете... Неужели непонятно, в чем дело?

– Это ты о чем, Сурен? – внимательно уставились на него агдамцы. – Ты не темни, если тебе что известно, так ты скажи!

– Это – дело рук азербайджанцев, – уверенным тоном сказал Хачатрян. – Если кто из вас еще не знал об этом, то теперь будете знать! Есть сведения... В общем, пока вы тут будете слюни распускать, они вырежут очередную деревню. Вы слышали, как недавно под Шушой армянку они на кресте распяли?

– Нет, – переглянулись жители.

– Она тоже не знала, когда пошла в соседнее село к своей сестре... Теперь трое детей остались без матери. Так вот, вы ушами хлопаετε, а они не спят. Вы думаете, если мы отвоевали свободу, освободили Карабах, то на этом все это закончилось? Как бы не так! Недавний обстрел прекрасно это показал. Вчера – обстрел, сегодня – пацан. А завтра что? Да они его похитили! Он у них в заложниках – неужели непонятно? Когда же вы, наконец, поймете, что с ними нельзя поступать, как с людьми. Потому что они сами нас за людей не считают!

- Правильно!
- Верно говорит! – Пламенные слова Сурена зажигали ненависть в людях.
- Я вам так скажу: если волк забрался в твой дом, с ним нечего говорить – его надо убивать, – произнес Хачатрян. – Их надо наказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.